
СТАТЬИ

АНАЛИЗ В. И. ЛЕНИНЫМ ПРИЧИН КРИЗИСА 1921 г. И ПУТЕЙ ВЫХОДА ИЗ НЕГО

Е. А. Амбарцумов

Определяя пути решения реальных, жизненно важных проблем развития социализма, КПСС, братские коммунистические партии уделяют особое внимание выявлению и преодолению противоречий и ошибок, препятствующих поступательному движению социалистических стран. XXVI съезд КПСС поставил перед учеными-обществоведами задачи: «Глубже и смелее... анализировать явления политической жизни общества», не обходить острых тем, не бояться «затрагивать так называемые трудные вопросы... помня, что если мы не отвечаем на них, то недруги нашей страны постараются воспользоваться этим для клеветы на социализм»¹. Июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС также призвал решительнее преодолевать уход от острых проблем жизни². К таким темам относится вопрос об общественно-политических кризисах в процессе развития социалистических стран.

В европейских странах социализма было несколько кризисных ситуаций: в 1953 г. — в ГДР, в 1956 г. — в Венгрии и Польше, в 1968—1969 гг. — в Чехословакии, в 1970 г. и в начале 80-х годов — в Польше. В ходе общественно-политического кризиса и после его преодоления партийно-государственное руководство соответствующей страны обычно анализировало его причины, разрабатывало меры по их устранению³. Руководство Венгерской социалистической рабочей партии к 25-летию событий 1956 г. опубликовало в ее центральном органе серию аналитических статей под общим заголовком «Это было», выпущенную затем отдельной брошюрой на венгерском и иностранных языках. Мотивировалась эта публикация тем, что, во-первых, многие марксистские работы о кризисе 1956 г., вышедшие вскоре после него, «сейчас уже труднодоступны широкой общественности», и, во-вторых, «мы не сделали в должной форме доступными ни фактические материалы, ни их правильное, марксистское истолкование». Исходя из этого, орган ЦК ВСРП счел полезным вновь проанализировать «тот исторический урок, который всем нам преподнес 1956 г., с его предысторией, событиями и последствиями»⁴.

Буржуазные авторы и средства массовой информации не скрывают своего злорадства по поводу кризисных ситуаций в странах социа-

---

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М. 1981, с. 78, 75.

² См. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 года. М. 1983, с. 30.

³ См., напр.: Венгерская социалистическая рабочая партия. Всевенгерская конференция. Будапешт, 1957. М. 1958; VII съезд Венгерской социалистической рабочей партии. Будапешт, 1959. М. 1960; документ ЦК КПЧ «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ» (М. 1969); публиковавшиеся в «Правде» материалы IX чрезвычайного съезда ПОРП и выступления Первого секретаря ЦК ПОРП В. Ярузельского, особенно начиная с 13 декабря 1981 года.

⁴ Népszabadság, 13.IX.1981.

лизма, особенно польской; разглагольствуют о «неумении управлять кризисом», «неспособности понимать сигналы кризиса»⁵. В нашей литературе до сих пор отсутствуют обобщающие работы о причинах кризисов при социализме и путях выхода из них, хотя в последнее время советские обществоведы стали затрагивать эти вопросы при анализе, например, проблемы противоречий в условиях социализма⁶. Сейчас все большее внимание привлекает марксистское положение о том, что и социалистическое общество развивается путем борьбы противоречий, через их преодоление. Главное, что опровергает утверждения наших идеологических противников,— это ленинский опыт анализа причин и путей выхода из общественно-политического кризиса, который имел место в Советской России в 1921 г. и апогеем которого явился кронштадтский мятеж. Этот опыт убедительно показывает, что партия во главе с В. И. Лениным сумела и понять «сигналы кризиса» и осуществить «управление» им, не допустив его развития вширь и вглубь, наметив пути преодоления породивших его противоречий и ошибок. Не случайно наши зарубежные друзья, в том числе в Польше, в поисках оптимальных способов выхода из кризисной ситуации обращаются к этому ленинскому опыту. Вот почему он заслуживает специального рассмотрения.

Ленин считал «урок Кронштадта» (это выражение он употреблял неоднократно) заслуживающим специального изучения как «новое в политической истории Соввласти»⁷. Действительно, ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс не предвидели подобной ситуации, которая, как оказалось позже, не явилась исключением. В свете кризиса в ПНР, аналогичных событий в других странах призыв Ленина «взвесить обстоятельно политические и экономические уроки» кризиса 1921 г.⁸ звучит как актуальная задача нашего обществоведения. Важно отметить, что Ленин не замалчивал самого факта кризиса, не избегал употребления этого термина. О «внутреннем кризисе» он говорил, например, на X съезде партии неоднократно. «Мы не должны стараться прятать что-либо, а должны говорить прямоком»⁹,— пояснил он тогда. Ленин считал нужным привлечь к этому явлению внимание партии не только в тот момент, но и после преодоления кризиса. «В 1921 году,...— констатировал он впоследствии,— мы наткнулись на большой,— я полагаю, на самый большой,— внутренний политический кризис Советской России»¹⁰.

Эта характеристика относилась к тому времени, когда молодое Советское государство уже вышло победителем из тяжелой гражданской войны, разгромив вместе с тем и интервенционистскую коалицию империалистических государств. Вроде бы имелись все основания упиваться победами, почивать на лаврах, но Ленин размышлял иначе. Кронштадтский мятеж не был изолированным явлением, а переплетался с антисоветскими мятежами в ряде аграрных областей России. И все же это были разрозненные выступления, к тому же большей частью на периферии, и волнения отнюдь не приобрели общенационального характера. Тем не менее Ленин забил тревогу и сделал вывод о кризисе сразу же, не дожидаясь его распространения вширь. Он четко различал гражданскую войну, где белогвардейская контрреволюция, выступав-

⁵ Soviet-East-European Dilemmas: Coercision, Competition and Conflict. Lnd. 1981, p. 3.

⁶ См., напр.: Бутенко А. П. Социализм: формы и деформации.— Новое время, 1982, № 6.

⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 383.

⁸ Там же, с. 23.

⁹ Там же, с. 59.

¹⁰ Там же. Т. 45, с. 282.

шая вместе с интервентами, являлась внешним врагом социалистического государства и общества, и внутренний политический кризис, т. е. конфликт внутри системы, между властью и частью ее социальной базы. Ибо Ленин так определял источник кризиса: «Наша обстановка, наша собственная среда»¹¹. Здесь уже содержится суть ленинского понимания политического кризиса при социализме как выплеснувшегося наружу противоречия, даже конфликта, между революционной властью, ее политикой, с одной стороны, и непосредственными интересами части трудящихся масс — с другой, выражающегося в острых проявлениях их недовольства. Мысль об опасности отрыва власти от ее социальной опоры Ленин повторял неоднократно¹².

Показательно, следовательно, что Ленин не отнесся к событиям 1921 г. как к случайности. Решительно разоблачая роль контрреволюции в организации кронштадтского мятежа, руководитель большевистской партии в то же время объяснил политический кризис в целом тогдашней политикой, известной под названием «военного коммунизма». Это не значит, что последний в принципе был ошибочной политикой. Напротив, эта политика прямой, бескомпромиссной борьбы с капитализмом имела глубочайшее историческое обоснование. Сплочение всей страны в единый военный лагерь, непримиримость к врагам и подчинение колеблющихся, бескомпромиссность и целеустремленность политики партии обеспечили решение вопроса «кто — кого?» в пользу пролетариата, конкретно говоря, победу в гражданской войне. В военных условиях эта политика оказывалась единственно возможной, в определенном смысле неизбежной. Констатируя ее историческую оправданность логикой борьбы за новый строй, Ленин уже после смены курса писал: «Иначе мы поступить не могли. Всякий иной прием действий означал бы с нашей стороны полную сдачу позиций»¹³. Он при этом подчеркивал, что «военный коммунизм» «надо поставить нам в заслугу»¹⁴. Внутренняя и внешняя обстановка побуждали большевиков двигаться к цели кратчайшим путем, и лишь приобретенный опыт мог побудить их сменить методы борьбы.

Дело не только в том, что политика «военного коммунизма» предусматривала жесткие, по преимуществу военно-приказные, методы руководства, оправданные обстоятельствами, которые требовали быстрых и решительных действий. Дело еще в «военно-коммунистической» концепции развития революции и ее целей. По словам Ленина, «мы рассчитывали, поднятые волной энтузиазма, разбудившие народный энтузиазм сначала общеполитический, потом военный, мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие (как и общеполитические, как и военные) экономические задачи», а именно — «непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению»¹⁵. Содержанием этого перехода были следующие меры: огосударствление по возможности всех форм экономической деятельности; централизация хозяйственного и политического управления; курс на экспроприацию буржуазии, включая сельскую; принудительное распределение трудовых ресурсов, включая мобилизацию работников на ключевые участки (милитаризация труда), всеобщая трудовая повинность и другие формы бесплатного труда; тенденция государства к изъятию всего прибавочного продукта у производителей; стремление к уравниванию материального положения и соответственно — переход к натуральной системе распределения через государство по эгалита-

¹¹ Там же. Т. 43, с. 142.

¹² См., напр., там же, с. 24.

¹³ Там же. Т. 44, с. 204.

¹⁴ Там же. Т. 43, с. 220.

¹⁵ Там же. Т. 44, с. 151, 157.

ристскому принципу; сведение к минимуму роли экономических стимулов.

Такова, если можно так выразиться, социально-экономическая модель «военного коммунизма». Эта модель, как и цель прямого перехода к коммунизму, на которую она была ориентирована, отнюдь не была волюнтаристской выдумкой. Напротив, она отражала устремления широких революционных масс страны — городского пролетариата и беднейшего крестьянства. Не случайно «коммунизация» проводилась и ускорялась прежде всего снизу, тогда как Ленин неоднократно призывал и в тот период сдерживать темп национализации, создания коммун и т. д.¹⁶ Он прекрасно понимал и тогда же неоднократно подчеркивал опасность «левой» поспешности, стремления перескочить через переходный период. И в то же время Ленин констатировал, что это стремление, эти тенденции рождались в поисках «спасения от слишком горькой подчас действительности»¹⁷.

Этой модели была присуща определенная утопичность, на что самокритично обратил внимание Фидель Кастро, отдавший дань подобным тенденциям в 60-е годы¹⁸. Цель — переход к коммунизму, минуя промежуточные этапы, — явно завышалась, не соответствуя реальным, прежде всего экономическим, возможностям страны, уровню культуры и социально-психологической готовности большинства ее населения. Во Вьетнаме сохранявшиеся методы «военного коммунизма» объективно препятствовали, по признанию самих вьетнамских товарищей, экономическому развитию. Эти же противоречия характерны и сейчас для многих экономически слабо развитых стран, избирающих социалистический путь развития. Впрочем, Ленин точно подметил, что «есть, по-видимому, закон, требующий от революции продвигаться *дальше, чем она может осилить*»¹⁹.

Такая утопичность в основном проистекала из своеобразного революционного романтизма масс, умножавшего силу революции и способствовавшего победе над внешней и внутренней контрреволюцией. Но этот фактор эффективно «работал» в экстремальных условиях войны. Когда она окончилась, он потерял былую действенность. Это, между прочим, означает, что разные исторические условия и периоды требуют различной экономической политики, различных политических методов и способов решения проблем. Дело прежде всего в том, что «военный коммунизм», успешно обеспечивая мобилизацию всех сил народа и страны на борьбу с врагом, не годился для решения задач хозяйственного развития, поскольку игнорировал экономические стимулы и интересы. Не случайно Ленин в начале 20-х годов, получив письмо от критика «военного коммунизма» инженера Монсеева, подчеркнул, сопроводив их пометкой «верно!», следующие его слова: *«Люди не могут годами пребывать в состоянии экстатического подъема и заставить их работать может только экономическая необходимость»*²⁰.

Хозяйственное развитие особенно сдерживалось такими чертами «военного коммунизма», как изъятие прибавочного продукта у крестьянства, конкретно выражавшееся в продразверстке, и в основном уравнительное распределение, воплощавшееся в карточно-пайковой системе при обесцененных деньгах. Поскольку дифференциация денежной зарп-

¹⁶ См. там же. Т. 36, с. 176—177, 293—294; т. 37, с. 141; т. 41, с. 367; и др.

¹⁷ Там же. Т. 36, с. 78.

¹⁸ Оценивая проводившуюся тогда на Кубе экономическую политику с ориентацией, как и в Советской России 1918—1920 гг., на преодоление товарно-денежных отношений и принципа оплаты по труду, бесплатное распределение товаров и услуг, Ф. Кастро признавал: «Нам казалось, что мы приближаемся к коммунистическим формам производства и распределения, на самом же деле мы удалялись от правильных методов построения социализма» (I съезд Коммунистической партии Кубы. М. 1976, с. 109).

¹⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 53, с. 206.

²⁰ Ленинский сборник XXIII, с. 255.

латы теряла тем самым значение, нарушался принцип распределения по труду. Этим во многом объяснялось падение производительности труда, сокращение производства и т. д. V конгресс Коминтерна (1924 г.) правильно отметил, что система «военного коммунизма», уничтожая производственные стимулы, в высокой степени тормозит, а иногда делает невозможным рост производительных сил»²¹.

Несмотря на подавление вооруженной контрреволюции и изгнание интервентов, политика «военного коммунизма» поначалу продолжалась в немалой степени потому, что не было ясно, закончился ли период войны; частично по инерции (военно-административные методы управления были легче и доступнее на практике); частично по идейно-стратегическим мотивам, присущим тем руководителям, которые искренне видели в этой политике кратчайший и вернейший путь к построению нового общества. Именно в непригодности старых методов, прежней концепции развития, в неумении быстро перестроиться применительно к новой обстановке увидел Ленин коренную причину кризиса 1921 года²². Он подчеркивал, в частности: «Энтузиазм, натиск, героизм, который оставался и останется навсегда памятником того, что делает революция... Вот чем мы достигли нашего политического и военного успеха, и это достоинство становится теперь самым опасным нашим недостатком... Когда обстановка изменилась и мы должны решать задачи другого рода, то здесь нельзя смотреть назад и пытаться решить вчерашним приемом»²³.

Главной практической слабостью «военного коммунизма» Ленин считал тот факт, что система продразверстки не только лишала крестьян стимула к росту производства, но и вызывала их недовольство. Оно сдерживалось, покуда шла война и крестьянство нуждалось в защите от реставрации помещичье-буржуазной власти; но когда война окончилась победой, недовольство усилилось и прорвалось. Оно как раз и вылилось в мятежи в некоторых аграрных областях: участие в них крестьян определялось, как это сразу же выявилось, их неприятием продразверстки. Стоило ее отменить в Тамбовской губ., как силы главарей «антоновщины» стали таять на глазах. Анализируя эту сторону общественно-политического кризиса 1921 г., Ленин отмечал такие моменты, как гигантское преобладание в стране крестьянства, ухудшение его положения («кризис крестьянского хозяйства чрезвычайно обострился»), рост недовольства крестьянства формой экономических отношений с Советской властью²⁴. Характерно, что те рядовые матросы в Кронштадте, которые примкнули к мятежу, поступили так в большой степени под воздействием вестей из родных деревень — их семьи стали гораздо сильнее жаловаться на продразверстку²⁵.

Ленин сделал из всех этих фактов следующие выводы. Во-первых, что кронштадтский мятеж, «антоновщина» и т. п. — это проявление мелкобуржуазной контрреволюции, которая, «несомненно, более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые»²⁶, ввиду преобладания в стране мелкой буржуазии (включая крестьянство) и малочисленности пролетариата. Во-вторых, что необходимо изменить политику по отношению к крестьянству. Обращаясь к X съезду партии, он предложил: «Да-

²¹ Программный вопрос на V конгрессе Коммунистического Интернационала. М. 1924, с. 70—71.

²² См. первые же страницы его отчета о политической деятельности ЦК РКП(б) X съезду партии (Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 7 сл.).

²³ Ленин В. И. ПСС. Т. 44, с. 324.

²⁴ Там же. Т. 43, с. 14, 58.

²⁵ См.: Пухов А. С. Кронштадт и Балтийский флот перед мятежом 1921 года. — Красная летопись, 1930, № 6/39; его же. Кронштадтский мятеж в 1921 г. Гражданская война в очерках. [Л.] 1931.

²⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 24.

вайте нашу политику по отношению к крестьянству пересматривать»²⁷. Ленин указывал также: «Этот внутренний кризис обнаружил недовольство не только значительной части крестьянства, но и рабочих»²⁸.

Действительно, мятежу в Кронштадте предшествовали забастовки на отдельных предприятиях Петрограда, а также в некоторых других городах. Толчок был дан ухудшением материального положения рабочих: перебоями в снабжении продовольствием и другими продуктами первой необходимости, трудностями с топливом, в результате чего ряд предприятий пришлось временно закрыть. Рабочие высказывали единодушное пожелание ослабить ограничения мелкой торговли и обмена, отменить или ограничить деятельность заградительных отрядов, которые препятствовали представителям трудовых коллективов и частным лицам ввозить в город продукты, выменянные в деревне на промтовары²⁹. Рабочую массу раздражали и отступления от эгалитаристского принципа «военного коммунизма», на которые партия шла на практике. «Требование уравнивания (в потреблении рядовых рабочих и ответственных работников.— Е. А.), — отмечалось на X съезде партии, — ... проходит красной нитью по всем постановлениям и резолюциям беспартийных ораторов на любом рабочем собрании»³⁰. Характерно, что широкая беспартийная конференция рабочих-металлистов, проходившая в Москве 2—4 февраля 1921 г., большинством голосов приняла резолюцию о немедленной отмене «всех видов выдаваемых пайков как привилегированных, так и других» и о том, чтобы «ввести уравнительное, одинаковое для всех трудящихся, распределение продуктов»³¹.

В отличие от кризиса 1921 г. в Советской России общественно-политические кризисы 50-х и последующих лет в братских странах социализма, где была, конечно, во многом иная обстановка, начинались в городе и редко перекидывались на деревню. В 1953 г. в ГДР, в 1956 г. в Венгрии и Польше, в 1968 г. в Чехословакии, в 1970 г. в Польше крестьянство оставалось нейтральным, не поддерживало контрреволюцию. Последний польский кризис также начался в городе, точнее говоря, с забастовок рабочих; крестьянство же оказалось вовлеченным в него далеко не сразу и лишь в связи с тем, что усилия тогдашнего руководства ПОРП по преодолению кризиса имели нерешительный, половинчатый характер. Так что нелогично усматривать причины этого кризиса в мелкособственнической структуре польской деревни. Как известно, полная коллективизация в Чехословакии не предотвратила кризиса 1968 года.

Как видно из высказываний Ленина, непосредственным толчком к кризису 1921 г. он считал ухудшение экономического положения трудящихся в целом, особенно болезненно воспринятое ими после того, как наметилось и уже было испытано ими на себе улучшение общего положения дел в стране. «Когда представилась возможность по окончании войны дать, наконец, изголодавшемуся населению побольше, то мы сразу не смогли установить должной меры. Ясно, что мы должны были бы умерить увеличение выдачи и за счет этого умерения создать известный резервный фонд на черный день, который должен был наступить весной (1921 г.— Е. А.) и который наступил. Этого мы не сделали... Таким образом получилось чрезвычайное усиление, обострение и ухудшение кризиса»³². Выявление взаимосвязи: улучшение положения, вселяющее надежду, — неожиданное ухудшение — обострение недовольства и кризис — такова суть чрезвычайно меткого наблюдения Ленина.

²⁷ Там же, с. 59.

²⁸ Там же. Т. 45, с. 282.

²⁹ См. Семанов С. Н. Ук. соч., с. 34.

³⁰ Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стеногр. отч. М. 1963, с. 291.

³¹ См. там же, с. 877.

³² Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 12.

Некоторые польские исследователи, анализирующие последний кризис в своей стране, считают, что кризис возникает не тогда, когда тем, кто плохо живет, становится еще хуже, а когда тяготы, напротив, становятся чуть легче. Ссылаясь на американских социологов, они выводят причину кризиса из увеличившегося разрыва между возросшими притязаниями людей и слишком медленно улучшающимися жизненными условиями³³. Ленин много раньше американских и польских социологов обнаружил эту закономерность, анализируя причины кризиса 1921 года. Считая первотолчком кризиса болезненно воспринятое ущемление экономических интересов трудящихся, Ленин видел в экономике и более глубокие корни этого кризиса. Так, мятеж в Кронштадте он рассматривал как политическое выражение экономических неурядиц и несоответствий. Факты подобного рода приводятся в литературе. Например, по инициативе тогдашнего руководителя Петроградской парт-организации Г. Зиновьева немалые средства были вложены в строительство электростанции, хотя в то время целесообразнее было бы использовать их на повышение жизненного уровня трудящихся³⁴. В 70-е годы в Польше, как известно, непомерные средства были вложены в закупку лицензий и оборудования, в строительство многочисленных новых предприятий, частично так и не введенных в действие, не обеспеченных в достаточной степени ни сырьем, ни рынками сбыта, ни квалифицированной рабочей силой. Эти инвестиции не дали должной отдачи, в результате чего страна оказалась под бременем крупных внешних долгов, жизненный же уровень населения стал сначала стагнировать, а затем и падать.

«Экономика весны 1921 превратилась в политику: «Кронштадт», — лаконично обобщал Ленин³⁵. Однако он не сводил все появившиеся в тот период деформации лишь к просчетам в экономике. Он прямо говорил о наличии «целого ряда кризисов: и хозяйственного, и социального, и политического»³⁶, понимая, следовательно, под кризисом процесс накопления и обострения противоречий во всех важнейших сферах функционирования общества. В свете этих ленинских замечаний представляется вполне обоснованным термин «общественно-политический кризис», употребляемый в соответствующих документах братских партий, да и в нашей печати³⁷.

Существенным фактором кризиса 1921 г. оказались изменения в социальной структуре Советской России. В результате гражданской войны и империалистической интервенции произошло размывание рабочего класса: многие передовые кадровые, революционные рабочие погибли в ходе войны, некоторые ушли, спасаясь от голода, в деревню, в то же время ряды рабочего класса, например, в Петрограде, пополнились мелкобуржуазными элементами, стремившимися получить более высокие рабочие пайки, избежать мобилизаций и т. д. Происходило, по словам Ленина, деклассирование пролетариата. В результате всего этого настроение мелкобуржуазной, анархической стихии «сказалось на пролетариате очень широко»³⁸.

Что касается крестьянства, то трудности того конкретного момента не могли перечеркнуть осереднячивания бедняцкой в прошлом основной его массы, улучшения его материального положения в целом благодаря революции и осуществленным ею преобразованиям (ликвидация поме-

³³ См.: Sisyphus. Sociological Studies. Vol. III. Crises and Conflicts. The Case of Poland 1980—81. Warszawa. 1982, p. 28.

³⁴ См. Семанов С. Н. Ликвидация антисоветского кронштадтского мятежа 1921 года. М. 1973, с. 39.

³⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 387.

³⁶ Там же, с. 9.

³⁷ См., напр., Правда, 13.III.1984, а также литературу, указанную в сн. 3 и 6.

³⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 42, 24.

щичьего землевладения, распределение земель среди крестьянства и т. д.). Но экономические и политические меры пролетарского государства (продразверстка и т. д.) воспринимались в отдельных ситуациях настолько остро, что в ряде случаев перевешивали эти завоевания.

В числе социальных моментов, способствовавших кризису, Ленин отмечал еще «бюрократические безобразия нашего аппарата», вызывавшие негодование рабочих и крестьян, и даже в этой связи полемически восклицал: «Наше государство есть государство с бюрократическим извращением»³⁹. Примечательно, что во всех документах братских партий, анализирующих причины соответствующих кризисов в их странах, также содержатся указания на бюрократические извращения и отрыв части аппарата и руководства от масс, пренебрежение их интересами.

Наконец, кризис в стране Ленин связывал с кризисом внутри самой большевистской партии, более того, он полагал, что последний начался за несколько месяцев до первого⁴⁰. «Партия больна. Партию треплет лихорадка», — предупреждал он в статье «Кризис партии», написанной незадолго до кронштадтского мятежа⁴¹. Проявлениями этой болезни Ленин считал и факт затянувшейся дискуссии о профсоюзах, которую он называл непомерной, непозволительной роскошью⁴², и, особенно, острые разногласия в партии, вылившиеся в два опасных уклона — бюрократически-централистский (Троцкий) и анархо-синдикалистский («рабочая оппозиция»). Ленин сурово осудил второй уклон как косвенное проявление мелкобуржуазной анархической контрреволюции, усмотрев особую опасность в призыве «рабочей оппозиции» передать управление народным хозяйством «всероссийскому съезду производителей»⁴³ (аналогия с лозунгами польской «Солидарности» осени 1981 г. бросается в глаза). Главный удар Ленин направил, однако, против «ненужных и вредных крайностей бюрократизма», заметив, что «массы профессионально организованных рабочих законно протестуют» против этих крайностей и их носителей⁴⁴. Ленин подметил при этом, что контрреволюционные силы, утратив возможность открытой деятельности и потеряв былое влияние, используют в своих интересах разногласия внутри большевистской партии⁴⁵.

«Громадные материальные затраты на войну и, как их следствие, обеднение страны шли параллельно развитию необходимости поддержания особенно ударных ведомств и групп работников, в том числе и партийных, — указывалось в резолюции X съезда РКП(б). — Неизбежным следствием — в значительной степени общественно необходимым — был, таким образом, рост материального неравенства членов партии при росте общей нищеты»⁴⁶. Но еще до съезда, 9 февраля 1921 г. Ленин, являвшийся инициатором соответствующих мер, подписал проект постановления, а затем и постановление Совнаркома о сокращении всех видов привилегированных продовольственных пайков⁴⁷. Разумеется, Ленин и до этого критиковал и неустанно выправлял ошибки тех или иных ведомств и руководителей, но на рубеже 20-х годов он чаще понимал ошибки в широком плане — как неприемлемую или исчерпавшую себя политическую линию. Именно к этому времени и относится его знамени-

³⁹ Там же, с. 64.

⁴⁰ См. там же, с. 385.

⁴¹ Там же. Т. 42, с. 234.

⁴² См. там же. Т. 43, с. 15.

⁴³ См. там же, с. 36, 41.

⁴⁴ Там же. Т. 42, с. 268, 267.

⁴⁵ См. там же. Т. 43, с. 90.

⁴⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. Т. 2, с. 208.

⁴⁷ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 10. М. 1979, с. 97.

тое высказывание: «Никто не может нас погубить, кроме наших собственных ошибок»⁴⁸.

Естественно, среди причин кризиса 1921 г. Ленин усматривал и специфические, присущие именно той ситуации: утомленность народа войной, даже его изнеможение, голод, топливный кризис, издержки массовой демобилизации (главная из них — бандитизм) и т. д.⁴⁹. Но с точки зрения современности все эти причины менее существенны. Ленин видел также подстрекательскую роль мирового империализма и его агентуры, зорко подметил, что вокруг кронштадтских событий «проявляется какой-то широко задуманный план» буржуазных правительств⁵⁰. Он отмечал наличие мелкобуржуазной контрреволюции внутри страны и подчеркивал возможность вольного или невольного перехода социальных групп, ставших движущей силой кризиса, на объективно контрреволюционные позиции. Речь шла, таким образом, о возможности сплетения кризиса с контрреволюцией, перерастания первого во вторую, что подтвердилось позднее в ходе кризисов в ряде социалистических стран. И все же главные причины кризиса Ленин искал во внутреннем развитии Советской страны⁵¹. Все аналитические документы братских партий о кризисных ситуациях в их странах характеризуются аналогичным подходом: в них указано, что контрреволюция паразитировала на допущенных в этих странах ошибках.

Какова же была ленинская стратегия выхода из кризиса? А это была именно стратегия, поскольку, во-первых, принятые меры отнюдь не были тактическими маневрами⁵², во-вторых, эти меры переросли в стратегию построения социализма.

Первейшей целью были, конечно, укрепление и защита Советской власти. Поэтому прежде всего был быстро и решительно, военной силой подавлен кронштадтский мятеж (как и кулацко-эсеровские восстания в сельских местностях). Несколько активных руководителей мятежа были преданы военному суду и расстреляны. Еще до подавления мятежа некоторые деятели эсеров и меньшевиков были подвергнуты превентивному заключению. В то же время большинство рядовых мятежников, не говоря уже об участниках забастовок, репрессиям не подверглись. Был прощен даже «вождь» мятежников С. Петриченко, бежавший в Финляндию и впоследствии вернувшийся на Родину. Советская власть умела быть великодушной и понимающей, а Ленин даже упоминал о «несчастных кронштадтцах» и их бессознательных заблуждениях⁵³. Говоря о крестьянстве, Ленин призвал товарищей по партии «понять те экономические формы возмущения мелкой сельскохозяйственной стихии против пролетариата, которые обнаружили себя и которые обостряются при настоящем кризисе»⁵⁴. Легко заметить, что этот ленинский подход был продиктован отнюдь не либерализмом, а глубоким политическим реализмом.

Принимались срочные меры по улучшению положения трудящихся, в первую очередь рабочих. В Петрограде сразу же были увеличены нормы выдачи продуктов по карточкам, сняты заградотряды. Совет

⁴⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 42, с. 249.

⁴⁹ См. там же. Т. 43, с. 10, 68—69.

⁵⁰ Там же, с. 123.

⁵¹ С. Н. Семанов опровергает заявления Зиновьева, пытавшегося доказать, будто причиной мятежа являлись исключительно действия агентов белой эмиграции, которые «пробирались в Кронштадт, сыпали золотом». «Такое объяснение,— заключает автор,— поверхностно, в нем не раскрывается классовая природа событий» (Семанов С. Н. 18 марта 1921. М. 1977, с. 52).

⁵² Ленин самым решительным образом выступал против такого, «тактического», понимания проблемы. «Усматривать в этом хитрость,— говорил он,— значит, подражать обывателям» (Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 330).

⁵³ См. там же. Т. 44, с. 107.

⁵⁴ Там же. Т. 43, с. 28.

труда и обороны постановлением за подписью Ленина ассигновал 10 млн. золотых рублей для закупки за границей продовольствия и предметов первой необходимости. Ленин на X съезде РКП(б) прямо заявил: «Нужно золотой фонд бросить на предметы потребления, вопреки нашей прежней программе (она предусматривала закупку машин и оборудования.— Е. А.). Прежняя наша программа была теоретически правильна, но практически несостоятельна»⁵⁵. Это были именно срочные меры, суть же стратегической антикризисной программы заключалась в решительном отказе от прежней социально-экономической линии «военного коммунизма» и в принятии новой экономической политики.

Приоритетным должно было стать, по мнению Ленина, удовлетворение интересов крестьянского большинства населения, тем более что только крестьянство могло дать стране то, в чем она более всего нуждалась,— продовольствие. «Этому основному соображению — во что бы то ни стало увеличить количество продуктов — приходится на время подчинить все»⁵⁶. Удовлетворить интересы крестьянства Ленин предложил — и партия приняла этот план — путем отмены продразверстки и введения ограниченного, заранее фиксированного продовольственного налога (который впоследствии был заменен денежным). Это было пожелание самого крестьянства, которое Ленин выявил в результате бесед с крестьянами, изучения их писем и т. д. Крестьяне получили право свободного сбыта остающихся у них излишков продовольствия путем продуктообмена, а затем и свободной торговли. Хотя это требование, как открыто признавал Ленин, только что выдвигалось мелкобуржуазной контрреволюцией⁵⁷, оно отвечало «экономическим условиям существования мелкого производителя»⁵⁸, и Ленин, партия сочли нужным его принять. В тактическом плане при переходе к нэпу как бы повторилась ситуация с предложенным Лениным Декретом о земле, который был составлен на основе крестьянских наказов, обобщенных эсеровской партией. Но Ленина, как видим, это не смущало.

Ленин отдавал себе отчет в том, что новая экономическая политика вызовет оживление капиталистических тенденций, и неоднократно предупреждал партию на этот счет⁵⁹. Позже, когда было разрешено частное предпринимательство в торговле, ремесле, некоторых отраслях промышленности, мелкой и даже средней, эти тенденции усилились. «Но страшен ли этот капитализм нам,— ставил вопрос Ленин,— если мы имеем в руках фабрики, заводы, транспорт и заграничную торговлю?». И отвечал: «Считаю, что это неопровержимо, что этот капитализм нам не страшен»⁶⁰.

Главная гарантия здесь заключалась в сохранении в руках пролетариата и его партии всей полноты политической власти. Всплывшая на поверхность нэпманская накипь вводила многих в заблуждение. Но Ленин пояснял: «Обилие мелких торговцев и их оживленнейшая деятельность несколько еще не свидетельствует об экономической большой силе» и «обнаруживает гораздо больше шума, чем это соответствует его (нэпмана.— Е. А.) экономической силе. Поэтому я опасаясь, что человек, который применил бы к нашему «нэпману» то упрощенное положение исторического материализма, что за экономической силой должна следовать политическая, рискует ошибиться очень глубоко и даже стать жертвой целого ряда смешных недоразумений»⁶¹. Современный опыт успешного преодоления многими

⁵⁵ Там же, с. 69.

⁵⁶ Там же, с. 79.

⁵⁷ Там же, с. 25.

⁵⁸ Там же, с. 27.

⁵⁹ См. там же, с. 61; т. 44, с. 211.

⁶⁰ Там же. Т. 43, с. 159.

⁶¹ Там же. Т. 45, с. 259, 266.

социалистическими странами «узких мест» в экономике при помощи оживления мелкособственнической активности известных групп населения подтверждает ленинский прогноз и опровергает необоснованные опасения ревнителей чистоты теоретически правильных, но, выражаясь словами Ленина, практически несостоятельных проектов.

Ленин предложил и большее — сдать часть природных богатств страны в концессии иностранным предпринимателям, не исключая тех, кто участвовал в финансировании интервенции. Не последним доводом в пользу концессий была возможность поучиться у буржуазии рациональному управлению хозяйством. При этом Ленин четко определял условия аренды, в том числе сохранение государственной собственности на крупнейшие, ключевые предприятия и недра; поддержание монополии внешней торговли; выбор объектов для сдачи в аренду самим государством. В общем, Ленин считал необходимым использовать «частнохозяйственный капитализм в роли пособника социализму», «как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил»⁶². На практике концессии не получили широкого размаха. Зато выдвинулась другая форма, которую Ленин высоко ценил⁶³ и которая ныне успешно применяется едва ли не во всех странах социализма, — т. н. смешанные общества.

Перестройка экономических принципов отношений социалистического государства с крестьянством самым положительным образом изменила настроения последнего. Уже через полтора года после введения нэпа Ленин заявлял: «Крестьянство довольно своим настоящим положением. Это мы спокойно можем утверждать»⁶⁴. За четыре-пять лет новой экономической политики Советская Россия не только преодолела разруху, голод и другие последствия войны, но и превысила довоенный уровень производства.

В широком плане успех нэпа как стратегии преодоления кризиса, переросшей в стратегию построения социализма, был предопределен четкой ориентацией на стимулирующую роль личных, прежде всего экономических, интересов⁶⁵. Этот рычаг использовался в отношении не только крестьянства, но и государственных предприятий, их рабочих и служащих. Промышленность была переведена на хозрасчет. Взамен уравнительной оплаты труда была введена система квалификационно-профессиональных тарифов в сочетании со сдельщиной, сняты ограничения с премий и других видов доплат. В результате последовавшего за этим увеличения выработки реальная зарплата рабочих возросла за три года по крайней мере вдвое. Учет личных и групповых интересов, безусловно, пошел на пользу интересам общества в целом, развивавшегося в русле строительства социализма.

Но было бы упрощением считать, что Ленин строил нэп только на механизме экономической выгоды. Социально-политической основой ленинской стратегии преодоления кризиса было обращение к инициативе и чувству ответственности рабочего класса, руководящая роль которого в обществе была резко усилена. Ленин прямо рассчитывал на поддержку и сознательность рабочего класса, когда призвал и на конференции металлистов в начале февраля 1921 г., и на X съезде партии в марте того же года предпослать восстановлению крупной промышленности поднятие сельского хозяйства⁶⁶. «Начать надо с крестьянства», — подчеркивал Ленин⁶⁷. Рабочая масса своим классовым чутьем поняла, что этот ленинский подход соответствует ее интересам. Не случайно та

⁶² Там же. Т. 43, с. 233, 229.

⁶³ См. там же. Т. 45, с. 81.

⁶⁴ Там же, с. 285.

⁶⁵ См. там же. Т. 44, с. 151—152, 165.

⁶⁶ См. там же. Т. 42, с. 306—309; т. 43, с. 18, 26—27.

⁶⁷ Там же. Т. 43, с. 218.

же конференция металлистов, поначалу отстаивавшая принцип эгалитаризма, после выступления Ленина приняла резолюцию «О замене разверстки определенным натуральным налогом»⁶⁸.

Болезненной, но неизбежной мерой Ленин считал временное закрытие — в целях экономии по крайней мере половины промышленных предприятий: «В аренду или кому угодно отдать, или закрыть, или «бросить», забыть *до прочного улучшения*»⁶⁹ (на практике масштабы этих мер, как и концессий, удалось уменьшить). Однако Ленин вел речь не только о жертвах со стороны рабочего класса, но и о необходимости бóльшей его бдительности в связи с ростом капиталистических тенденций, о развитии его, если можно так выразиться, социального контроля над обществом. Этим и объясняется внимание, которое Ленин уделил в последние годы и месяцы своей творческой деятельности совершенствованию рабоче-крестьянской инспекции (статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше»). В связь с этим нельзя не поставить и предложение Ленина (в «Письме к съезду») ввести в состав ЦК партии больше рабочих, которые могли бы «лучше, чем кто бы то ни было другой, заняться проверкой, улучшением и пересозданием нашего аппарата»⁷⁰. Наконец, не как уступку оппозиционным силам, а в том же конструктивном плане усиления руководящей роли рабочего класса в обществе следует рассматривать развитие ленинской концепции профсоюзов в социалистическом обществе.

На IX съезде РКП(б), когда еще шла гражданская война, Ленин требовал от профсоюзов безусловного единства действий с социалистическим государством⁷¹; и резолюция съезда рассматривала профсоюзы как один из «основных аппаратов Советского государства, руководимого Коммунистической партией»⁷². Положение существенно изменилось с окончанием войны, с возвращением к более или менее нормальным условиям жизни. В январе 1922 г. Ленин пишет «Проект тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики», расширявший права профсоюзов, обязывавший их, помимо всего прочего, учитывать «известную противоположность интересов между рабочей массой и директорами, управляющими госпредприятий или ведомствами»⁷³ и бороться с бюрократическими извращениями. X съезд партии, состоявшийся всего через год после IX съезда, берет курс на восстановление методов рабочей демократии в профсоюзном движении, на развитие широкой самостоятельности профсоюзов⁷⁴.

Примечательно, что, борясь за преодоление кризиса, приняв решительные меры против «Солидарности», пренебрегшей своими изначальными профсоюзными функциями и выродившейся — под нажимом антисоциалистически настроенных лидеров, вопреки интересам рабочей массы, — в оппозиционную политическую партию, поставившую целью ликвидацию социалистического строя. ПОРП не ставит вопрос о восстановлении старых профсоюзов, а напротив, способствует созданию подлинно самостоятельных профсоюзов, могущих быть равноправным и ответственным партнером государства и хозяйственной администрации⁷⁵.

⁶⁸ См. Десятый съезд РКП(б), с. 877 (прим.).

⁶⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 44, с. 65.

⁷⁰ Там же. Т. 45, с. 347.

⁷¹ См. там же. Т. 40, с. 254.

⁷² КПСС в резолюциях. Т. 2, с. 165.

⁷³ Ленин В. И. ПСС. Т. 44, с. 343.

⁷⁴ См. КПСС в резолюциях. Т. 2, с. 231, 228–229.

⁷⁵ Стоит вспомнить, что Троцкий в наброске тезисов о дальнейшей роли профсоюзов, представленном им предсъездовскому Пленуму ЦК РКП(б), резко осуждал принцип партнерства, клеймя его как «тред-юнионистский». Взамен он предлагал, по существу, увековечить милитаризацию труда и строить профсоюзы на этой, как говорили в ходе X съезда, «полицейской» основе. Но съезд в соответствии с позицией Ленина решительно отверг эти опасные взгляды (см. Десятый съезд РКП(б), с. 816–819, 312).

Борьбу с бюрократизмом, за улучшение аппарата, а в более широком плане — за совершенствование системы управления Ленин поставил в условиях нэпа в центр внимания рабочего класса и партии. Именно в целях улучшения отношений с широчайшими массами он требовал применения самых жестких мер против «примазавшихся к коммунистам старых чиновников, помещиков, буржуа и прочей сволочи, которая иногда совершает отвратительные бесчинства и безобразия, надругательства над крестьянством»⁷⁶. Но Ленин не питал иллюзий насчет возможности скорейшей ликвидации бюрократии как социально-профессиональной группы. Он высказывался в пользу высокого профессионализма в управлении, настойчиво повторял мысль: «Добиться полного подчинения аппарата политике», «(Хорошая) бюрократия на службе политики, а не политика на службе (хорошей) бюрократии»⁷⁷. Вернейший путь борьбы с бюрократизмом Ленин усматривал в развитии активности масс, что и составляет суть социалистической демократии. Предлагая шире вовлекать массы в непосредственное управление, Ленин отнюдь не считал, что это решительно снизит профессиональный уровень управления, поскольку они должны были одновременно учиться управлению.

Были провозглашены как лозунги момента — «рабочая демократия» и (несколько позже) — «оживление Советов». Цель второго лозунга — придать новый импульс деятельности Советов путем привлечения к их работе беспартийных, прежде всего крестьянских, масс. Предполагалось также пополнить руководство (коллегии) ряда наркоматов крестьянами, в том числе беспартийными. «Из массы рабочих, крестьян, интеллигентов выдвигается не мало способных и честных беспартийных людей, которых надо ставить на более крупные посты по хозяйственному строительству, сохраняя необходимый контроль и направление за коммунистами,— подчеркивал Ленин.— А с другой стороны, нужен и контроль беспартийных за коммунистами»⁷⁸. Но, призывая выдвигать деловых, как он выражался, «предприимчивых», беспартийных работников на ответственные посты в советских и хозяйственных органах, Ленин предупреждал об опасности проникновения в них враждебных элементов под видом беспартийных⁷⁹. Наконец, сессии высших государственных органов, полномочия которых Ленин считал необходимым расширить, он предлагал сделать более деловыми и потому более длительными⁸⁰.

Ключевое значение Ленин придавал укреплению большевистской партии как руководящей политической силы общества. Тут в высшей степени проявилась диалектика его мышления и политических решений. С одной стороны, Ленин настоятельно подчеркивал важность усиления сплоченности партии, недопустимость фракционности, и написанная им и принятая X съездом РКП(б) резолюция «О единстве партии» является лучшим тому доказательством. С другой стороны, он требовал развития «безусловно необходимой критики недостатков партии» по существу дела, в целях возможно более быстрого исправления ошибок⁸¹. Внутрипартийные споры и обсуждения полезны, считал Ленин, если они не носят «ни малейших следов фракционности»⁸², тогда они могут помочь укреплению партии. Характерно, что при обсуждении упомянутой резолюции он решительно отверг поправку Рязанова. «Лишить партию и членов ЦК права обращаться к партии, если вопрос коренной вызывает разногласия,— писал Ленин,— мы не можем»⁸³.

⁷⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 234.

⁷⁷ Там же, с. 72, 373.

⁷⁸ Там же, с. 280.

⁷⁹ См. там же, с. 241.

⁸⁰ См. там же. Т. 45, с. 115.

⁸¹ См. там же. Т. 43, с. 91.

⁸² См. там же, с. 5.

⁸³ Там же, с. 112.

В свете этой ленинской стратегии легко понять, почему он именно тогда предложил ввести более жесткие правила приема в партию, прежде всего в социальном отношении, — чтобы облегчить вступление в нее кадровым рабочим и увеличить кандидатский срок лицам мелкобуржуазного, в том числе и крестьянского, происхождения, и почему горячо поддержал чистку партии 1921 г., главную цель которой он видел в том, чтобы, «опираясь главным образом на опыт, на указания беспартийных рабочих», освободиться от «примазавшихся» и «обюрократившихся»⁸⁴. В связи с этим ленинским наказом, очевидно, надо поставить и принятые X съездом «Общие меры по оздоровлению партии», предусматривавшие, в частности, «решительную борьбу с злоупотреблениями со стороны членов партии своим положением и материальными преимуществами», «курс на уравнительность в области материального положения членов партии»⁸⁵.

Примечательны методы работы, которые в тот поворотный момент Ленин настоятельно рекомендовал партии. Он клеймил «бюрократические утопии» и «коммунистическое чванство» с их верой во всемогущество «коммунистического декретирования» и не менее резко критиковал вредный стиль проектов партийных решений: «Общие места. Фразы. Пожелания, всем надоевшие. Это и есть *современный* «комбюрократизм»⁸⁶. Взамен Ленин требовал обобщать и распространять полезный, конкретный практический опыт мест, не увлекаться мелочной регламентацией сверху, а наоборот, максимально поощрять инициативу на местах и в центре. «Целесообразнее, — указывал он, — предоставить сначала практике выработать подходящие формы отношений... Пусть эти формы лучше будут вначале не абсолютно устойчивы: разнообразие желательно, полезно, даже необходимо, чтобы точнее изучить, полнее сравнить разные системы взаимоотношений»⁸⁷. Усиление руководящей роли партии, по мнению Ленина, не должно означать подмены партийным руководством государственных органов, ибо это порождает безответственность⁸⁸. Эта же мысль была подчеркнута в речи Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко на февральском (1984 г.) Пленуме ЦК партии⁸⁹.

При всей решительности поворота к нэпу Ленин подчеркивал необходимость при совершенствовании экономических, социальных, культурных, да и политических отношений действовать не «наскоком», а постепенно, продуманно, осторожно и в то же время настойчиво, в целом совершенно иначе, чем на предшествующих этапах развития. Примечательно, что необходимость применения «реформистского», «постепенновского», по его выражению, метода взамен революционных появилась, как он считал, с весны 1921 г.⁹⁰, т. е. после рассматриваемого кризиса. Общеизвестна также ленинская характеристика нэпа как отступления. Оно было неизбежно для преодоления кризиса. Но речь шла не о сдаче позиций врагу, а прежде всего о преодолении наметившегося отрыва власти от большинства народа и его интересов, о смычке с крестьянством, об отступлении прежде всего к нему⁹¹.

В тех условиях, как известно, проявилось стремление продолжить, даже усугубить политику «военного коммунизма», пойти по пути «завинчивания гаек» и жесткого, силового подавления всех недовольных. Ленин следующим образом характеризовал эту альтернативу нэпу: «Та-

⁸⁴ Там же. Т. 44, с. 122, 123.

⁸⁵ КПСС в резолюциях. Т. 2, с. 211.

⁸⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 44, с. 63, 173; т. 45, с. 45.

⁸⁷ Там же. Т. 43, с. 272.

⁸⁸ См. там же. Т. 45, с. 113.

⁸⁹ См. Материалы внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС, 13 февраля 1984 года. М. 1984, с. 10—11.

⁹⁰ См. Ленин В. И. ПСС. Т. 44, с. 221—222.

⁹¹ См. там же. Т. 43, с. 329—330.

кая политика была бы глупостью и самоубийством той партии, которая испробовала бы ее. Глупостью, ибо эта политика экономически невозможна; самоубийством, ибо партии, пробуящие подобную политику, терпят неминуемо крах. Нечего греха таить, кое-кто из коммунистов «помышлением, словом и делом» грешил, впадая именно в *такую* политику. Постараемся от этих ошибок исправиться. Непременно надо от них исправиться, иначе совсем плохо будет»⁹². В этой связи Ленин напоминал уроки Французской буржуазной революции конца XVIII в., якобинские лидеры которой, осуществившие немало выдающихся преобразований, затем, как известно, стали игнорировать непосредственные интересы трудового народа и, усугубив террор, объективно подготовили свое падение — термидорианский переворот. «Если мы ее (мелкобуржуазно-анархическую стихию.— Е. А.) не победим,— говорил Ленин,— мы скатимся назад, как французская революция... Надо сделать все, что можно, для облегчения положения этой (крестьянской.— Е. А.) массы и сохранить пролетарское руководство»⁹³.

Сила ленинской аргументации и авторитета была настолько велика, а уже первые доказательства эффективности нэпа настолько убедительны, что антикризисная стратегия Ленина была принята партией практически единодушно. Эта стратегия была делом весьма серьезным и нелегким. Она означала коренной поворот во многом — в политической линии, в лозунгах, методах работы, подборе кадров. Но, как показала история, эта стратегия полностью себя оправдала. Нэп, начатый как антикризисное мероприятие, перерос в оптимальную стратегию перехода к социализму.

Интересно отметить, что в плане брошюры «О продовольственном налоге» Ленин определил хронологические рамки кризиса 1921 г.: февраль — март⁹⁴. В публичном выступлении он высказался более осторожно: «Кризис начался, мне кажется, в феврале 1921 года»⁹⁵. Поскольку в этой связи Ленин не упомянул о Кронштадте, а охарактеризовал общие причины кризиса, можно предполагать, что начало его он связывал не только с мятежом, а вообще с прорвавшимися социальными противоречиями. Из этих и приводившихся выше его высказываний, в частности, в политическом отчете ЦК X съезду РКП(б), явствует, что он понимал кризис двояко: в узком смысле — как взрыв и силовую конфронтацию, по существу, отождествляя его с кронштадтским мятежом, а в широком смысле — как более длительный период кризисной ситуации, датируя ее начало окончанием войны, когда выявилось активное неприятие массами «военного коммунизма»⁹⁶. Ленин не назвал прямо момент окончания кризиса, из контекста ясно, что он увязал его с переходом к новой экономической политике.

«Кронштадтские события,— говорил он,— явились как бы молнией, которая осветила действительность ярче, чем что бы то ни было»⁹⁷. Действуя в труднейших условиях, Ленин, большевистская партия сумели не только быстро и успешно преодолеть кризис, но и извлечь из него такие уроки, которые сохраняют свою значимость и сегодня.

⁹² Там же, с. 222.

⁹³ Там же, с. 141.

⁹⁴ Там же, с. 385.

⁹⁵ Там же. Т. 45, с. 282.

⁹⁶ См. там же. Т. 43, с. 13—16.

⁹⁷ Там же, с. 138.